

Сказание о ровеснике

Константин Воробьев — судьба человеческая, судьба народная

Да, конечно, я помню: так называется одна из повестей этого писателя. Вернее, почти так — «Сказание о моем ровеснике» (Воробьев, как и всегда, хотел быть предельно точным и остерегался масштабных обобщений). Я же, думается, могу назвать эту статью «Сказание о ровеснике», потому что оба слова здесь, кажется, равно подходят — почти все вещи Константина Воробьева, повести его и рассказы, есть, в сущности, история одной и достаточно типической для не столь уж давнего времени, жизни. В ней — двадцатые и тридцатые годы, Великая Отечественная война, с ее болями, муками, кровью, пленом и побегом из него, партизанским отрядом в лесах Прибалтики и — послевоенная пора, вплоть до 1975 года, когда Константина Воробьева не стало.

Вся эта жизнь густо заселена самыми разными людьми, с которыми случилось встретиться лирическому герою писателя, людьми, испытавшими все те события, тяготы и переломы, которыми наделило их время. В этом единении героев Воробьева с долей и судьбой окружающих его людей ощущаешь, бесспорно, черты эпического — тут уместно пушкинское «судьба человеческая, судьба народная» — и потому слово «сказание» в названии статьи также, наверное, оправдано.

Издавали Воробьева при жизни не очень щедро, большей частью — в той же Прибалтике, где он жил и работал после войны, и русский читатель в основном узнал и оценил его по последней, предсмертной, не оконченной уже вещи, повести «И всему роду твоему...», опубликованной журналом «Наш современник» в 1975 году.

Говорю обо всем этом потому, что хорошо помню грустный рассказ редактора одного московского издательства, которое выпустило — еще при жизни Воробьева — одну из его повестей. Пришло много писем-откликов, среди которых встречались сетования на то, что знакомство с хорошим, просто отличным писателем — позднее, его, мол, наверное, нету уже в живых, ибо других его книг чего-то не видно.

Но вот теперь есть, вышли книги, в которых и «Крик», и «Убиты под Москвой», и «Почем в Ракитном радости», и вообще — все лучшие вещи Воробьева. В том числе — «Сказание о моем ровеснике» и «Тетка Егориха».

Повести эти дают нам начало биографии лирического и «сквозного» для всей прозы писателя героя. Они — о детстве, о деревенском мальчишке (сам Воробьев — из-под Курска, родился в селе Нижний Рутец). И «Сказание о моем ровеснике», и «Тетка Егориха» были написаны, надо полагать, не ради утolenия элегической памяти о «босоногом детстве», не только о голубой, безмятежной поре, которую можно вспоминать, безнадежно повзрослев, со счастливым и чутко печальным вздохом... Нет, эти «картины души», если вспомнить название одного во-

робьевского рассказа, не только светлой акварелью писаны. В них есть и утраты, и горечь, и боль, и раннее, преждевременное мужание. Становление характера. Исток будущего человека.

Это очень существенно для прозы Константина Воробьева. Сам он — и ярчайшее, неопровержимое свидетельство тому! — до конца дней своих цепко, упорно хранил, помнил все, что выпало ему на долю: сельское детство, дороги войны, выходы из окружения, плен, побег из лагеря, партизанский отряд. Все это бережно помнилось сердцем и легло в конце концов на листы бумаги, став повестями и рассказами, которые есть по сути своей исповедь, жизнь их автора, прожитая в ногу со временем, широко, размашисто, без отсиживания в тихом, безопасном углу.

Способность полностью владеть читателем, сливая его с потоком повествования, присутствуя всем вещам Воробьева. Он умел это делать мастерски, иногда — одной-единственной и очень скупой, внешне совершенно безыскусной фразой. Вот повесть «Убиты под Москвой». Ее первая строка: «Учебная рота кремлевских курсантов шла на фронт». Она идет с абзаца и завершает его же — дальнейшее повествование начинается с новой красной строки. Это, право, не случайно — первая же в повести фраза говорит нам о многом и важном. Сразу дается понять, какого продолжения следует ждать от такого зачина — ведь на фронт идет! И кто идет.

К повести этой, названной сурово и скорбно «Убиты под Москвой», подошло бы, было бы оправдано имя иной вещи Воробьева — «Крик», потому что им, рвущимся из сердца, еле сдерживаемым, полнится здесь все повествование, рассказывающее о двухстах сорока мальчишках, сложивших головы за наши жизни и свободу в самые первые месяцы войны.

«Крик» — повесть очень сильная. Вся художественная структура ее — пронзительная и болевая, бьющая прямо в твое сердце, навывлет, насквозь. Для понимания природы и сути прозы Воробьева, особенно военной, повесть эта очень важна, «заглавна». В ней прекрасно видно, как Воробьев любил людей, своих ровесников и современников, мобилизованных войной, как внутренне обостренно чувствовал каждое движение их души и мысли, как ненавидел он войну и как истощающе, из первых рук, знал ее. Он не захотел, не смог забыть войну потом, после мая сорок пятого года — ведь у него, как и у всех сверстников, взвывая в руки оружие, она прервала биографию пополам, провела огненную, неизгладимую в памяти черту, оставив после себя — на-

вечно — две веши: до войны и после, за ней. Потому «Крик» столь важен для верного понимания творчества К. Воробьева: он метит, определяет этот рубеж всенародного тяжелейшего испытания, как бы входя отдельными своими элементами в «Убиты под Москвой», в «Седой тополь», «Дорогу к мужеству», «Почем в Ракитном радости» (вставная новелла о Светлоголовом).

Герой этих повестей и рассказов, русские люди, прошедшие Великую Отечественную войну, победив фашизм и, если им удалось, выжив, заслужили тем самым почетное и нелегкое право быть и далее в ответе за все, что рядом с ними, не оставаясь равнодушными — никогда и ни за что! — ко злу, несправедливости или жестокости.

Для К. Воробьева всегда был притягателен и крайне значим человек добрый, сильный и равнодушный, и такая вот душа есть, постоянно живет в его прозе. Душа, сама достаточно хлебнувшая лиха, всегда очень чутка к любви и ласке. К добру. К тому же Воробьев искренно и мудро верил, что только такие силы — чувства, важны и благотворны для внутренней человеческой сути.

Об этом написана светлоразночная, вся будто пронизанная тихим заккатом повесть «Генка, брат мой...», герои которой — двое бывших беспризорников, ровесников, но один из них постоянно чувствует себя помогающим, оберегающим, старшим; об этом же — «Почем в Ракитном радости»... Повесть о нечаянной, без умысла сотворенной большой беде, принесшей горе близкому, любимому человеку, и о том, как бремя это, наконец, спадает с виноватых, уставших от тяжелой своей ноши плеч.

Потому повесть «Почем в Ракитном радости» и получилась такой — мужественной, светлой и горькой одновременно... В ней от первой и до последней строчки ощущаешь, как бьется человеческое сердце, преисполненное сначала болью, сомнением, тоской и мукой, потерявшее близких людей, веру и счастье, и как успокаивается, тишеет потом оно, вновь — в который уже раз! — пове-

рившее в тепло и доброту, что сильнее всех жизненных передряг и сплетений. Оно в финале повести опять ликующе верит: щедрые, добрые и незлобивые вершат и правят порядком мира, всеми нашими взаимоотношениями... Эта простота и счастливо обретенная вновь героем повести истина позволяет ему спокойно и открыто смотреть в глаза всем жителям Ракитного, но перед тем ведь были и не знающая покоя, мающаяся совесть, и страх непростения. Нет, радости в Ракитном достаются не задешево!

Их не то чтобы надо было заслужить — здесь вряд ли годится это слово — нет, им нужно **соответствовать**. Внутренне. Всей своей человеческой сутью. «И писать книги, и рисовать картины надо мягкими теплыми красками. И чтобы сердце обязательно знало и любило то, о чем ты хочешь сказать. Только тогда возможно помочь читателю или зрителю восхититься самим собой как человеком» (подчеркнуто мной. — И.Ш.).

Я думаю, эта мысль художника Грачева из рассказа «Картины души» взята им у самого автора, писателя Константина Воробьева. Все его вещи — даже с самыми драматическими сюжетами — написаны все-таки «теплыми красками». Это удивительно, но это так! Их автор был, видимо, очень жизнелюбивым, жизнелюбивым человеком, и этого золотого запаса, этого источника доброты, очарованного подданства силе жизни и мягкого, как бы разлитого «между строк» юмора хватило, похоже, и на всю его, совсем не просто сложившуюся судьбу, и на все написанные им книги... У них какая-то особая, безоглядная доверчивость, простота точной, несуетливой правды, легкая улыбка сильного, уверенного в себе человека и неистощимая любовь к тому, чем способна оделить жизнь. Может быть, для того, чтобы так любить ее, так чувствовать, нужно было прожить именно такую, что выпала Константину Воробьеву?..

Вижу только, что проза его, оставленная нам, очень цельна, едина в своей авторской основе, в отношении к миру, в приятии и отрицании, в любви и нелюбви. В ней — всегда! — прекрасно виден автор, он нигде не маскируется, не кокетничает «объективизмом». Он стоит в своих повестях и рассказах во весь рост, верный себе, чего бы это ни стоило, и такая предельная открытость, мужественная честность не могут не взволновать, не задеть, оставшись без горячего читательского душевного отклика.

В повести «Почем в Ракитном радости» главный герой ее, писатель Останков, упорно трудится и постоянно думает над началом своей последней, пока еще не написанной книги. Ему в тихие рассветные часы видится «все лучшее» в ней — «радостные, печальные, гневные глаза обыкновенных людей, в полную силу души высказанные ими мысли...» (подчеркнуто мной. — И.Ш.).

Сам Константин Воробьев, бесспорно, написал такую книгу. Вот она — перед нами.
Игорь ШТОКМАН.